

Е.С.Куйкина

РИМСКИЕ ПИСАТЕЛИ В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Статья вносит вклад в изучение актуального вопроса современного литературоведения — Ф.М.Достоевский и античность. Юность и школьные годы героев романа «Униженные и оскорбленные» связаны с чтением сочинений римских писателей, бывших в то время первыми авторами в курсе латинского языка в русских гимназиях. В статье изучается «след» римских классиков — Корнелия Непота, Тита Ливия, Юлия Цезаря — в романе «Униженные и оскорбленные» и определяется значение классического образования в судьбах героев. Для исследования привлекались дореволюционные гимназические учебники по латинскому языку. Автор статьи приходит к выводу, что римские писатели в романе оттеняют судьбы и нравственный облик бывших гимназистов, школяров, героев романа Достоевского: Ивана Петровича, Филиппа Маслобоева, Алёши Валковского, — указывая на приближение их к ценностям, воспитываемым русской школой, или отдаление от них.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, Корнелий Непот, Тит Ливий, Юлий Цезарь, латинский язык, античность

Названная тема стала предметом исследования впервые несмотря на то, что есть наблюдения об античных традициях в творчестве Ф.М.Достоевского в работах исследователей начала XX века — Вяч. Иванова [1], Л.В.Пумпянского [2], и трудах современных ученых — В.В.Дудкина [3], Т.Г.Мальчуковой [4], А.Ю.Ниловой [5], М.Р.Хамитова [6], которые свидетельствуют о неослабевающем внимании писателя к античным темам.

Античность присутствует в творчестве Достоевского на разных уровнях: жанры, темы, мотивы, реминисценции, латинские цитаты, как в художественных произведениях, так и в письмах, публицистике. Истоки интереса Достоевского к античной традиции — в его образовании — в семейных занятиях по латинской грамматике Бантыша [7] и изучении греческого и латинского языков в пансионе Леонтия Ивановича Чермака [8], в чтении античных авторов.

Вопрос о доступности классического образования для молодых людей и о преподавании древних языков в русских гимназиях был важным для Достоевского. В публикациях журналов «Время», «Эпоха» и «Гражданин», писатель поднимал вопрос о классическом образовании [9] и выражал убеждение, что оно способно изменить общество¹, так как цель этого образования — «высшее умственное развитие»².

В течение XIX века отношение правительства и общества к классическому образованию менялось, и латинский и древнегреческий языки то становились доминирующими предметами курса русских гимназий, то вызывали негативную оценку, и рассматривались как рассадник революционных идей [10].

Время написания романа «Униженные и оскорбленные» совпало со временем обсуждения в печати школьной реформы. Согласно реформе 1864 года, классические языки стали привилегией учащихся классических гимназий, желающих продолжить обучение в университете.

Преподавание латинского и древнегреческого языков решало несколько педагогических задач: культурологическую, эстетическую, воспитательную, общеобразовательную, мировоззренческую [10, с. 11-45]. Решались эти задачи не столько благодаря формальному усвоению грамматики, сколько благодаря чтению и переводу авторов, заучиванию стихов, отрывков из греческих и римских писателей, крылатых выражений.

Тема классического образования в романе «Униженные и оскорбленные» связывается с юностью героев, школьными годами. Иван Петрович, от лица которого ведется рассказ, в начале своей жизни получил образование в губернском городе в пансионе и затем, через несколько лет, в университете в Петербурге. Филипп Филиппович Маслобоев оказывается школьным товарищем Ивана Петровича по губернской гимназии. Его, хмельного, в грязной шинели, Иван Петрович встречает на Васильевском острове, после потрясения в доме Бубновой. Впервые за шесть лет после окончания гимназии приятели вступают в разговор. Встречались они на улице и раньше, раза два, но Филипп Филиппович избегал подходить к старому другу, в этот же раз окликнул его сам. Маслобоев вспоминает о прежних школьных годах, когда они, юные гимназисты, изучали древние языки, читали и переводили античных авторов, и говорит Ивану Петровичу:

«Не удивляйся. Всё может с человеком случиться, что даже и не снилось ему никогда, и уж особенно тогда..., ну, да хоть тогда, когда мы с тобой зубрили Корнелия Непота! Вот что, Ваня, верь одному: Маслобоев хоть и сбился с дороги, но сердце в нем то же осталось, а обстоятельства только переменились»³ (264-265).

Корнелий Непот — классический писатель, жил в I веке до н.э. Из сочинений Корнелия Непота до нас дошел труд «De viris illustribus» («О знаменитых иноземных полководцах»).

¹ Гражданин. 1873. № 28. [Электр. ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 18.01.2019).

² Гражданин. 1873. № 2 [Электр. ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 18.01.2019).

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Л.: Наука, 1972. 544 с. Здесь и далее в тексте в круглых скобках указывается номер страницы.

Гимназические учебники и хрестоматии по латинскому языку XIX и начала XX⁴ дают основания утверждать, что Корнелий Непот был первым классическим писателем в русских дореволюционных гимназиях. Его сочинение “*De viris illustribus*” («О знаменитых иноземных полководцах») издавалось как целиком, так и отдельными главами в хрестоматиях для чтения и перевода. Авторы отечественных учебников по латинскому языку для университетов и институтов иностранных языков XX века следовали этой традиции⁵.

В жизнеописаниях Корнелия Непота показаны исторические лица, выдающиеся своими деяниями, умом, характером и образованием, великие мужи и славные полководцы из истории разных времен и народов: Мильтиад, Фемистокл, Аристид, Павсаний, Кимон, Лисандр, Алкивиад, Фрасибул, Конон, Дион, Ификрат, Хабрий, Тимофей, Датам, Эпаминонд, Пелопид, Агесилай, Эвмен, Фокион, Тимолеонт, Гамилькар, Ганнибал, Катон и Помпоний Атик. В различных обстоятельствах жизни они проявили гражданские и семейные добродетели, совершили подвиг, пожертвовали своим состоянием, положением в обществе, даже жизнью ради благородной цели и этим заняли почетное место во всемирной истории. Так, фиванец Эпаминонд, будучи бедным, прославился бескорыстием и неподкупностью; афинянин Фокион никогда не пользовался своим высоким положением и не принимал денежные подарки; афинянин Фрасибул в одиночку осмелился выступить против тридцати тиранов, угрожавших свободе родины; афинянин Харбий первым вступил в бой с неприятелем и погиб в морском сражении, тогда так остальные матросы спаслись бегством; афинянин Мильтиад, тиран на Херсонесе, пользовался большим авторитетом среди иноземных народов благодаря милосердию, человечности и удивительной обходительности.

Известно, что сам Корнелий Непот был бессребреник. Он не занимал государственных должностей и посвятил свою жизнь литературным занятиям, в чем видел исполнение гражданского долга.

Авторы дореволюционных учебников по латинскому языку и составители хрестоматий в очерках о жизни и творчестве Корнелия Непота обращали внимание читателей на высокие идеи честности, благородства, самопожертвования, которые несут сочинения римского классика. Жизнь Корнелия Непота ставилась в пример юношеству XIX века как образец деятельного служения прекрасному, воплощение нравственного идеала.

В русских гимназиях жизнеописания Корнелия Непота использовались не в силу своих дидактических или литературных достоинств, а в силу внутреннего содержания — морального пафоса [11].

Но герои романа «Униженные и оскорбленные» в жизни часто остаются далеки от идеалов далекой юности. Так, Маслובоев в разговоре с Иваном Петровичем размышляет:

«Я вот напьюсь, лягу себе на диван (а у меня диван славный, с пружинами) и думаю, что вот я, например, какой-нибудь Гомер или Дант, или какой-нибудь Фридрих Барбаруса, — ведь всё можно себе представить» (266).

Пьяный Маслобоев представляет себя великим человеком только в мечтах, лежа на диване. Герой признается, что живёт нечестным трудом:

«...хоть и не служу, но денежки наживаю удобно: взятки беру и за правду стою; молодец против овец, а против молодца и сам овца. Правила имею: знаю, например, что один в поле не воин, и — дело знаю. Дело же мое больше по подноготной части... понимаешь?» (265).

Пословица, которая становится жизненным девизом Маслобоева, «один в поле не воин» (265), является антитезой античной гноме у Корнелия Непота: «*Ex quo intellegi potest unum hominem pluris quam civitatem fuisse*»⁶ — «Один человек значит больше, чем целое государство»⁷.

⁴ 1) Гедике Ф. Хрестоматия, или Избранные места из латинских писателей / Изданные по руководству Гедике Императорским Харьковским университетом в пользу гимназий его округа. Изд. второе. В Харькове: В Университетской типографии, 1819. 467, [1], с.; 2) Корнелий Непот. О жизни славнейших полководцев: с замечаниями, хронологической таблицей и двумя словарями 1) для географии; 2) для слов. Изд. 2-е, учебное, очищенное, Н.Кошанского докт. фил. ст. сов. и проф. Лицея. Санктпетербург: в типографии Медицинского департамента Министер. внутр. дел, 1824. [4], 210 с.; 3) Латинская хрестоматия для духовных училищ / Сост. М.М.Михайловский. Изд. 7-е с примечаниями и словарем. СПб.: Синодальная типография, 1912. 204, IV с.; 4) Латинская хрестоматия с упражнениями для II и III классов гимназий и прогимназий и с картой Италии и Греции / сост. П.Виноградов. Изд. 2-е. М.: Университетская типография, 1893. IV, 156, 180 с.; 5) Римские писатели в биографиях и образцах для чтения и перевода в средних и старших классах. Ч. 1: Прозаики / сост. С.Радецкий, В.Соколов. М.: Т-во «Печатня С.П.Яковлева», 1893. XXX, 546 с.; 6) Сборник статей для переводов с русского языка на латинский: для высших классов гимназий и семинарий / сост. Ю.Ходобай и П.Виноградов, преп. Третьей Московской гимназии и Лицея Цесаревича Николая. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. и значительно доп. М.: В Университетской типографии (М.Катков), 1879. [2], II, 256 с.; 7) *Cornelii Nepotis Liber De Excellentibus Ducibus exterarum gentium et ex libro De Latinis Historicis Vita Catonis et Attici*: с примечаниями и словарем. Изд. 3-е, пересм. и испр. СПб.: Тип. И.И.Глазунова, 1875. [VIII], 138, 54 с.; 8) *Cornelii Nepotis Vitae Excellentium Imperatorum cum Vita Catonis et Attici* — Корнелия Непота Жизнеописания славнейших полководцев: с полнейшим объяснительным словарем всех слов и оборотов, заключающихся в подлиннике, с биографией Корнелия Непота, отдельными примечаниями, хронологическим указателем, рисунками, изображающими древние военные оружия и осадные машины и таблицей римского календаря И.Лебединского. СПб.: Изд. Тов. «Общественная польза», 1873. XX, [2], 88, [2], 186, 34 с.

⁵ Попов А.Н., Шендяпин П.М. Латинский язык для университетов и институтов иностранных языков. Изд. 5-е. М.: Высшая школа, 1970. С. 113-121.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Перевод, статьи и комментарии Н.Н.Трухиной. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. С. 63.

Маслобоев пошел на компромисс со своей совестью и принял от князя Валковского крупную сумму — две тысячи серебром. Как в Евангелии, ценой этой сделки стала невинная душа, сирота Нелли.

Маслобоев не раз употребляет в своей речи метафоры с классическими образами: «Любите свои пенаты» (273); «Я и употребил стратагему: написал, что, дескать, такое дело, что если не придешь, то все наши корабли потонут» (332); «Это как в латинской грамматике, помнишь: значение предпочитается окончанию» (273).

Образы из латинской грамматики в речи Маслобоева удачны и остроумны, но идеалы знаменитых мужей древности так и не стали жизненными принципами героя.

Маслобоев осознает свое нравственное падение и говорит об этом Ивану Петровичу: «Я, брат, тебе, Ваня, не пара!» (263).

Иван Петрович и его роман были для Маслобоева живым укором в несостоявшейся честной жизни: «Как прочел — я, брат, чуть порядочным человеком не сделался! Чуть было; да только пораздумал и предпочел лучше остаться непорядочным человеком. Так-то...» (265).

Смирение и осознание своего падения очищает и просветляет образ Маслобоева и делает его достойным сострадания и христианского прощения. «Но ты, Ванюша, не осуждай меня безвозвратно <...>», — просит Маслобоев Ивана Петровича (440).

Граф Кушелев-Безбородко дал такую оценку Маслобоеву: «Маслобоев, ходатай по делам, пьяница и добрая душа, готовый на известного рода подлости за деньги, и остающийся честным человеком по-своему; это, пожалуй, еще человек живой, человек, которого мы могли бы встретить»⁸.

Маслобоев, бывший гимназист, читавший в свое время Корнелия Непота и других античных авторов, без сомнения, и Священное Писание, хотя и отступил от уроков юности, все же не забыл их до конца, в этом для него и надежда, и страдание, и жизнь.

Еще об одном римском классике из школьных учебников, Юлии Цезаре, напоминает Ивану Петровичу Алёша Валковский: «...мы на днях духов вызывали, я был у одного вызывателя; это ужасно любопытно, Иван Петрович, даже поразило меня. Я Юлия Цезаря вызывал» (239).

Труд Гая Юлия Цезаря (100—44 гг. до н. э.) «Записки о Галльской войне» являлся первым произведением, по которому школьники и студенты традиционно осваивали элементарную грамматику латинского языка. «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря отличаются простотой языка и лишены всякого риторического украшения.

Составители гимназических учебников обращали внимание читателей на редкий ум, литературный и ораторский талант, мужество Юлия Цезаря, что сделало этого гениального полководца, администратора, оратора, писателя и учёного одним из «крупнейших лиц всемирной истории»⁹.

Имя и сочинения Цезаря были знакомы Достоевскому с юности. В письме к брату от 5—10 мая 1839 года он писал о занятиях латынью: «Я теперь читаю Юлия Цезаря и после 2-х годичной разлуки с латинским языком понимаю решительно всё»¹⁰.

Для Алёши Юлий Цезарь — комическая фигура, тёмная и непонятая, вроде покойной помещицы из «Тяжбы» Гоголя, которая вместо своего имени Евдокия «нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя»¹¹.

Эпизод с Юлием Цезарем позволяет Ивану Петровичу охарактеризовать сущность Алёши: «Он веселый и школьник по-прежнему» (271).

Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — еще один латинский автор, знакомый Ивану Петровичу с детства, по книге которого «История Рима от основания Города» он учился читать. «Помнишь, у нас была книжка, по которой ты учился читать» (291), — обращается к Ивану Петровичу старик Ихменев и сравнивает душевные страдания своей семьи из-за разрыва отношений с дочерью с эпизодом из римской истории Тита Ливия (Кн. 1, глава 48).

На страницах «Истории Рима от основания Города» Тит Ливий создает величественный и идеальный образ древнего, великого и вечного Рима, родины закона и права, воинского героизма и гражданского патриотизма, образ, во многом не соответствующий исторической реальности. Книга, знакомая европейскому читателю с детства на протяжении тысячелетий, оказывала влияние на умы, поведение, а следовательно, на историю государств. Преподаватели гимназий, писавшие учебники по латинскому языку в XIX веке, сосредоточивали внимание учеников на духовной стороне произведения римского писателя, на том, какие нравы воспитали древний Рим, какие люди и средства способствовали величию римского народа, и какие средства могут привести к дурному исходу¹². В то же время, исторический труд Тита Ливия — своеобразная энциклопедия античных нравов, сюжетов, перипетий человеческих судеб — питала ум будущего писателя Ивана Петровича.

Герои романа, Филипп Маслобоев и Алёша Валковский, вспоминают образы античной древности из гимназических учебников по латинскому языку в разговорах с Иваном Петровичем, так как Иван Петрович —

⁸ Гр. Кушелев-Безбородко // Критический комментарий к сочинениям Ф.М.Достоевского: сборник критических статей / собрал В.Зелинский. М.: Тип. Вильде, 1907. Ч. 2. С. 29.

⁹ Радецкий С. Римские писатели в биографиях и образцах: для чтения и перевода / С.Радецкий, В.Соколов. М.: Т-во «Печатня С.П.Яковлева», 1893. С. 15.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. С. 60.

¹¹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4 / Под общ. ред. В.Р.Щербины. М.: Правда, 1984. С. 203.

¹² Радецкий С. Римские писатели в биографиях и образцах: для чтения и перевода / С.Радецкий, В.Соколов. М.: Т-во «Печатня С.П.Яковлева», 1893. С. 245-255.

тот человек, который воплотил в себе гражданские добродетели, воспитываемые русской дореволюционной школой, в том числе через преподавание классических дисциплин, произведения римских классиков — доброту, служение искусству, честность, презрение к деньгам, благородство.

Е.Ф.Зарин в статье «Небывалые Люди» говорит об идеализации Достоевским характера Ивана Петровича: «В характере Вани слишком переложено доброты и совершенно упущен из виду — не то что один из важнейших, а именно самый важный психический элемент, без которого не составляется и самая душа человеческая: этот элемент — эгоизм»¹³.

Сходная характеристика устами Маслобоева дается в романе семье Ихменевых, в которой вырос Иван Петрович: «То-то все эти горячие и благородные! Никуда не годится народ!» (335); «Они так благородны, что их весьма легко обмануть, а во-вторых, они всегда отделяются возвышенным и благородным презрением вместо практического применения закона, если только можно его применить» (337).

Думается, что античная культура оказалась одним из источников для идеализации героя и повествователя романа «Униженные и оскорбленные», наравне с важными для Достоевского и его современников образами Дон Кихота [12] и «русского» Шиллера [13].

Составители учебников, преподаватели русских гимназий в XIX веке обращали внимание учеников на духовное значение произведений римских авторов. Не случайно отрывки из их сочинений включались в дореволюционные гимназические учебники рядом с молитвами и отрывками из Священного Писания. Через классические языки ученики приобщались к ценностям культуры, науки, искусства, нравственности. Римские писатели, произведения которых читали, переводили, учили наизусть в гимназиях, оттеняют судьбы и нравственный облик героев романа, бывших гимназистов, указывая на приближение их к ценностям, воспитываемым русской школой, или отдаление от них. Мы можем сказать, что в романе «Униженные и оскорбленные» Достоевского звучит важная для писателя и его современников тема роли классического образования в России. Достоевский решает этот вопрос однозначно, поставив сочинения римских классиков Тита Ливия, Корнелия Непота, Юлия Цезаря в числе первых книг для юношества, рядом с Новым Заветом, по которому училась читать Нелли.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037 «Достоевский и античность».

1. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Властитель дум: Ф.М.Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века. СПб.: Худож. лит., 1997. С. 394-439.
2. Пумпянский Л.В. Достоевский и античность // Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 506-529.
3. Дудкин В.В. Софокл и Достоевский: сходное в несходном // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Ин-т русской литературы, 2016. Т. 21. С. 3-16.
4. Мальчукова Т.А. Достоевский и Гомер: к постановке проблемы // Новые аспекты в изучении Достоевского: сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 3-36.
5. Нилова А.Ю. Латинский язык в творчестве Ф.М.Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докладов международной научной конференции (10—12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 2. С. 36-38.
6. Хамитов М.Р. Разговоры в царстве мертвых: «Бобок» Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Ин-т русской литературы, 2016. Т. 21. С.29-43.
7. Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского: 1821—1881: В 3 т. / РАН, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); сост. И.Д.Якубович, Т.И.Орнатская. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1. С. 28.
8. Сараскина Л.И. Достоевский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 70.
9. Скоропадская А.А. Вопрос о классическом образовании в публицистическом осмыслении Ф.Достоевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5(182). С. 25-30.
10. Максимова С.Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 2005. 304 с.
11. Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII — начале XX века: приложение к «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 2007. 224 с.
12. Кунильский А.Е. «Лик земной и вечная истина»: о восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М.Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 304 с.
13. Лысенкова Е.И. Аспекты проблемы Шиллера в творчестве Ф.М.Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») // Studia Culturae. 2014. № 21. С. 147-154.

References

1. Ivanov V. Dostoevskiy i roman-tragediya [Dostoevsky and novel-tragedy]. In: Vlastitel' dum: F.M.Dostoevskiy v russkoy kritike konca XIX — nachala XX veka. St. Petersburg, 1997, pp. 394-439.
2. Pumpyanskiy L.V. Dostoevskiy i antichnost' [Dostoevsky and Antiquity]. In: Klassicheskaya tradiciya: sobranie trudov po istorii russkoj literatury. Moscow, 2000, pp. 506-529.
3. Dudkin V.V. Sofokl i Dostoevskij: skhodnoe v neshodnom [Sophocles and Dostoevsky: similar in dissimilar]. In: Dostoevskiy: materialy i issledovaniya. St. Petersburg, 2016, vol. 21, pp. 3-16.
4. Mal'chukova T.A. Dostoevskiy i Gomer: k postanovke problemy [Dostoevsky and Homer: to the problem statement]. In: Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo. Petrozavodsk, 1994, pp. 3-36.

¹³ Зарин Е.Ф. Небывалые люди // Критический комментарий к сочинениям Ф.М.Достоевского: сборник критических статей / собрал В.Зелинский. М.: Тип. Вильде, 1907. Ч. 2. С. 37.

5. Nilova A.Yu. Latinskij yazyk v tvorchestve F.M.Dostoevskogo [The Latin language in Dostievsky's work]. Proc. of "Fortunatovskie chteniya v Karelii". Petrozavodsk, 2018, part. 2, pp. 36-38.
6. Hamitov M.R. Razgovory v carstve myortvyh: "Bobok" Dostoevskogo [Talking of the Dead: Dostoevsky's "Bobok"]. In: Dostoevskiy: materialy i issledovaniya. St. Petersburg, 2016, vol. 21, pp. 29-43.
7. Letopis' zhizni i tvorchestva F.M.Dostoevskogo: 1821—1881 [Chronicle of the life and work of F.M.Dostoevsky: 1821—1881] in 3 vols, vol. 1. St. Petersburg, 1993, p. 28.
8. Saraskina L.I. Dostoevskiy [Dostoevsky]. Moscow, 2013, p. 70.
9. Skoropadskaya A.A. Vopros o klassicheskom obrazovanii v publicisticheskom osmyslenii F.Dostoevskogo [The question of classical education in Fyodor Dostoevsky's journalism]. Proceedings of Petrozavodsk State University, 2019, no. 5(182), pp. 25-30.
10. Maksimova S.N. Prepodavanie drevnih yazykov v russkoj klassicheskoy gimnazii XIX — nachala XX veka [Teaching of ancient languages in the Russian classical gymnasium in the 19th — early 20th centuries]. Moscow, 2005. 304 p.
11. Lyubzhin A.I. Rimskaya literatura v Rossii v XVIII — nachale HKH veka: prilozhenie k "Istorii rimskoj literatury" M. fon Al'brekhta [Roman literature in Russia in 18th — early 20th centuries: an appendix to the "History of Roman literature" by M. fon Albrecht]. Moscow, 2007, p. 73.
12. Kunilsky A.E. "Lik zemnoj i vechnaya istina": o vospriyatii mira i izobrazhenii geroya v proizvedeniyah F.M.Dostoevskogo ["The Worldly Image and Eternal Truth": about perception of the world and image of hero in the works of Dostoevsky]. Petrozavodsk, 2006. 304 p.
13. Lysenkova E.I. Aspekty problemy Shillera v tvorchestve F.M.Dostoevskogo ("Bednye lyudi", "Unizhennyye i oskorblennyye") [Aspects of the Schiller problem in the works of F.M.Dostoevsky ("Poor Folk", "Humiliated and Insulted")]. Studia Culturae, 2014, no. 21, pp. 147-154.

Kuykina E.S. Roman writers in the novel of F.M.Dostoevsky "Humiliated and Insulted". The article contributes to the study of the urgent issue of modern literary studies — F.M.Dostoevsky and Antiquity. The youth and school years of the heroes of the novel 'Humiliated and Insulted' are associated with reading the works of Roman writers, who at that time were the first authors in the Latin language course in Russian gymnasiums. The article studies the 'trace' of the Roman classics — Cornelius Nepos, Titus Livius, and Julius Caesar — in the novel 'Humiliated and Insulted', and defines the significance of classical education in the fate of heroes. Gymnasium textbooks of the 19th century in the Latin language were attracted for research. The author of the article concludes that Roman writers in the novel make more prominent the fates and moral character of gymnasium ex-students, heroes of the novel by Dostoevsky: Ivan Petrovich, Philip Masloboev, Alexey Valkovsky, pointing to their proximity to the values brought up by the Russian school, or their distance from them.

Keywords: F.M.Dostoevsky, "Humiliated and Insulted", Cornelius Nepos, Titus Livius, Julius Caesar, Latin, antiquity.

Сведения об авторе. Евгения Сергеевна Куйкина — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета; ORCID: 0000-0003-2781-2626; egene@list.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.